

В.А. ЖУКОВСКИЙ

БАЛЛАДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

В.А. ЖУКОВСКИЙ

БАЛЛАДЫ

ХУДОЖНИК
А. КОШКИН

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1978

В. А. Жуковский

В Третьяковской галерее висит портрет Василия Андреевича Жуковского, написанный в 1816 году его знаменитым современником Орестом Кипренским. Все в этом портрете подчинено раскрытию внутреннего облика поэта-романтика: его задумчивый, самоуглубленный взгляд, его колеблемые ветром волосы, башни средневекового замка на фоне ненастного, облачного неба, наконец, общий сумрачный колорит живописи. Это — Жуковский времени его наибольшей популярности, Жуковский — автор элегий и баллад.

Сам Жуковский считал начальной вехой своего творческого пути 1802 год, когда на страницах журнала «Вестник Европы», издаваемого Н. М. Карамзиным, был помещен его вольный перевод элегии английского поэта Т. Грея «Сельское кладбище». Перевод элегии выдвинул Жуковского в ряды крупнейших тогдашних поэтов, но это не было его первым выступлением в печати. Жуковский, по-видимому, сознательно не принимал во внимание свои более ранние опыты.

Литературные склонности Жуковского проявились еще в отроческом возрасте. Четырнадцати лет, в 1797 году, — Жуковский родился 29 января (9 февраля) 1783 года в селе Мишенском, Белевского уезда, Тульской губернии; начальное образование получил в Туле (сперва в частном пансионе, потом в народном училище) — он поступил в известное в то время училище для юношей из дворянских семей — Московский университетский Благородный пансион. Воспитанники пансиона получали хорошее гуманитарное образование, что и определило дальнейшее, поэтическое направление деятельности Жуковского. К ученическим годам относятся первые увидевшие свет, но не включавшиеся потом ни в одно из прижизненных изданий его сочинений стихи поэта.

Своим учителем в поэзии Жуковский считал Карамзина, главу русского сентиментализма. Печатью этого литературного направления отмечен перевод «Сельского кладбища». В строфах элегии с большой эмоциональной силой прозвучала характерная для сентименталистов мысль о внесловной ценности личности. Кроме того, скромные могилы безыменных поселян навели на поэта скорбное раздумье о том, как много погребено здесь нераскрывшихся талантов.

Возникает в «Сельском кладбище» и сентиментально-романтический образ одинокого певца, не знавшего ни славы, ни счастья, но «чувствительного душою». Эта «чувствительность» составляет его единственное богатство: «Дарил несчастных он чем только мог — слезою».

Казалось бы, эти слова могут вызвать у нас улыбку. Однако следует напомнить, что писал Белинский, характеризуя историческое значение сентиментализма. Великого критика не смущала повышенная слезливость, в которой часто и не без оснований упрекали последователей этого литературного направления: «Как бы то ни было, эти слезы были великим шагом вперед для общества: ибо кто может плакать не только о чужих страданиях, но и вообще о страданиях вымышленных, тот, конечно, больше человек, нежели тот, кто плачет тогда только, когда его больно бьют».

Дальнейшим развитием сентиментализма явился элегический романтизм Жуковского. Осложнился в его сознании прежде всего самый образ поэта-певца, испытывающего столкновение между мечтой и действительностью:

Он дружбу пел, дав другу нежну руку, —
Но верный друг во цвете лет угас;
Он пел любовь — но был печален глас;
Увы! он знал любви одну лишь муку...

Эти строки вполне можно отнести и к самому Жуковскому. Его элегическая лирика как бы сосредоточивается вокруг двух основных тем: погибшей дружбы и разрушенной любви. В основе этих тем лежат конкретные биографические факты: ранняя смерть лучшего друга Жуковского — Андрея Тургенева и любовь поэта к Марии Протасовой, встретившая непреклонное сопротивление со стороны матери девушки. Но строфы о «бедном певце» не просто автобиографичны: в них зарождается типичный образ романтического героя — человека «с обманутой душою», который «разлюбил» жизнь. Этот образ получит развитие в последующей литературе русского романтизма.

Сущность романтизма Жуковского очень точно охарактеризована Белинским, сказавшим, что он «первый на Руси выговорил жалобы человека на жизнь» и стал «певцом сердечных утрат».

Жизнь представлялась Жуковскому «бездной слез и страданий». При всей мягкости поэта и у него порой вырывались неожиданные по своей резкости определения, вроде «гнусный свет» («Тургеневу, в ответ на его письмо», 1813) или «низость настоящего» («Мотылек и цветы», 1824). Но по натуре своей Жуковский не был борцом, а потому «жалобы» поэта никогда не перерастали в открытый протест. «Гнусности» и «низости» действительности он противопоставлял «душевный порыв к неопределенному идеалу» (Белинский). Этот идеал находил выражение не только в упованиях на «мир иной», на «лучший неизменный свет», где человек обретет утраченное или недостигнутое здесь, но и в уходе от настоящего в прошлое, в атмосферу идеализированного и опоэтизированного средневековья. Отсюда обращение Жуковского к жанру баллады, которая наряду с элегией широко представлена в его творчестве.

В 1808 году Жуковский печатает свою первую балладу «Людмила» — подражание одной из баллад немецкого поэта XVIII века Бюргера «Ленора». В балладе Жуковского развивается характерная и для его элегий мысль о безрассудности и даже греховности ропота человека на свою судьбу, ибо любые горести и испытания ниспосылаются ему свыше. Сюжет «Людмилы» отличается самой мрачной фантастикой: умерший жених является к безутешной невесте, предпочитающей смерть разлуке, и увлекает ее с собой в могилу.

Если успех «Сельского кладбища» принес Жуковскому славу элегического поэта и вызвал настоящее засилье элегий в русской романтической лирике, то не меньший успех «Людмилы» способствовал исключительной популярности балладного жанра в России. Среди оригинальных русских баллад наибольшую известность приобрела баллада Жуковского «Светлана» (1812).

Сюжет «Светланы» является вариацией сюжета «Людмилы». Баллада начинается с описания русских народных гаданий. Поздним вечером, сидя перед зеркалом, Светлана мечтает о далеком суженом и незаметно засыпает. Во сне ей приходится пережить то же, что случилось с Людмилой. Просыпается Светлана уже поутру. За окном открывается солнечный морозный пейзаж, звенит колокольчик, сани останавливаются у ворот, а на крыльцо поднимается статный гость — не мертвый, а живой жених Светланы.

Так все мрачное и фантастическое отнесено в область сна, и сюжет получает неожиданно счастливую развязку. В соответствии с подобным переосмыслением сюжета язык «Светланы» менее, чем язык «Людмилы», насыщен такими элементами романтического стиля, которые преследуют цель вызвать жуткое настроение у читателя. Правда, есть в «Светлане» и «черный вран», предвещающий печаль, и «тайный мрак грядущих дней», и гроб, в котором Светлане чудится ее жених, но все эти «страхи» как бы умеряются и разбавляются непринужденностью словесных оборотов, позаимствованных из живой разговорной речи.

«Светлана» была закончена в тот самый год, когда вторжение Наполеона в Россию

побудило миролюбивого автора элегий и баллад Жуковского вступить в ряды защитников родины. Он зачисляется добровольцем в московское ополчение. «...Я записался под знамена... потому что в *это время* всякому *должно* было быть военным»,— пишет Жуковский Александру Тургеневу.

Вскоре после Бородинской битвы Жуковский переводится в штабную канцелярию Кутузова. Здесь на него возлагается составление сводок о военных действиях. Но, не ограничиваясь этим, обогащенный походными впечатлениями, Жуковский перестраивает свою мечтательную лиру на военный лад и заставляет ее звучать в унисон биению сердец многих десятков тысяч русских людей, отстаивавших независимость отечества. В свободное время он трудится над большим поэтическим произведением «Певец во стане русских воинов» (1812).

Приняв на себя роль певца русской военной доблести, Жуковский слагает вдохновенную лирическую песнь во славу родины, в память павших и в честь живых героев. Помянув славные дела предков, певец провозглашает задушевную хвалу отчизне и рисует запоминающиеся образы русских полководцев, отличившихся в Отечественной войне 1812 года.

По окончании Отечественной войны Жуковский возвращается к элегическим и балладным темам. Одновременно он работает над крупными эпическими произведениями из древнерусской жизни. В 1817 году он выпускает «старинную повесть» в двух балладах под общим заглавием «Двенадцать спящих дев».

Вплоть до конца 1810-х годов творчество Жуковского пользуется неизменным успехом у читателей. Выражая отношение молодого поколения к Жуковскому, Пушкин пишет такую надпись к его портрету:

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

Но уже в следующем десятилетии отношение к Жуковскому со стороны прогрессивно настроенных представителей литературных кругов резко меняется. Проникнутая глубокой человечностью, но отрешенная от волнующих вопросов современности, поэзия Жуковского начинает восприниматься как поэзия вчерашнего дня. В период реакции, в мрачные годы аракчеевщины, в пору назревания в России дворянско-революционного движения декабристы осуждают мечтательную и тяготеющую к мистицизму поэзию Жуковского.

Неблагоприятно отразилась на литературной репутации Жуковского и его многолетняя служба при дворе (сначала он был приглашен преподавателем русского языка к жене будущего императора Николая I, а затем был назначен наставником его сына). Друзья поэта опасались, что Жуковский обратит «на потеху двора» горящий в нем «огонь дарования», что его талант захиреет в придворной атмосфере. Опасения эти не были вовсе лишены оснований. Придворные обязанности в значительной степени отвлекали его от литературных занятий. И все же ему удалось создать в эти годы ряд превосходных произведений, в том числе перевод трагедии Шиллера «Орлеанская дева» и поэмы Байрона «Шильонский узник».

Говоря об этом периоде жизни Жуковского, нельзя не напомнить и о том, что поэт сумел сохранить при дворе безупречную честность, нравственную независимость и прямоту характера. Ни почести, ни награды не могли заставить его позабыть о «святейшем из званий: человек». Трусость и раболепство были чужды Жуковскому. Об этом красноречиво свидетельствуют такие факты, как хлопоты перед царем об опальном Пушкине,

ходатайства о сибирских изгнанниках — декабристах, заступничество за ссыльного Герцена, активное содействие освобождению Баратынского от солдатчины, а Тараса Шевченко — от крепостной неволи, и многие другие. Все это в конце концов привело к тому, что Николай I стал подозревать Жуковского в свободомыслии и политической неблагонадежности.

Последние двенадцать лет жизни (1841—1852) Жуковский, вышедший в отставку, провел за границей. На склоне лет сбылась мечта поэта о семейном счастье: он женился на дочери своего друга художника Рейтерна.

К заграничному периоду творчества Жуковского относятся три его больших труда: поэма «Наль и Дамаянти», переведенная из древнеиндийского эпоса «Магабхарата», стихотворная повесть «Рустем и Зораб», заимствованная из иранского эпоса «Шах-Намэ» Фирдоуси, и перевод поэмы Гомера «Одиссея». Смерть помешала Жуковскому завершить начатый им перевод «Илиады», — он умер 12(24) апреля 1852 года в Баден-Бадене (Германия), похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге.

Литературная известность Жуковского началась с переложения чужезычного стихотворного подлинника, его творческая деятельность оборвалась за работой над переводом великого памятника мировой поэзии. Переводы и переделки произведений зарубежных поэтов занимают преобладающее место в его наследии. Объяснение этому дал сам Жуковский в письме к Гоголю: «Я часто замечал, что у меня наиболее светлых мыслей тогда, когда их надобно импровизировать в выражение или в дополнение чужих мыслей. Мой ум, — как огниво, которым надобно ударить об камень, чтобы из него выскочила искра. Это вообще характер моего авторского творчества: у меня почти все или чужое или по поводу чужого — и все, однако, мое».

Мастер стихотворного перевода, Жуковский сделал достоянием русской литературы многие жемчужины мирового поэтического искусства. Но переводил он прежде всего то, что отвечало его собственному внутреннему строю, и тем самым «чужое» становилось для него способом выражения глубоко личных дум и чувств.

По образному выражению Белинского, Жуковский дал русской поэзии «душу и сердце». Этими словами он подчеркнул значение Жуковского как зачинателя русской психологической лирики. «Душа и сердце» поэта неизменно присутствуют и в тех стихотворениях Жуковского, где он с большой проникновенностью и тонкостью воссоздает картины природы. Для передачи сложных человеческих переживаний, хотя бы и ограниченных определенным кругом тем и мотивов, Жуковский находил дотоле неведомые русской лирике изобразительные средства. Раскрытие смыслового богатства слова, его многозначности, ритмическое разнообразие стиха, приобретающего под пером поэта то певучую мелодичность, то напряженную энергию, определяют неоспоримую заслугу Жуковского в развитии русского поэтического языка.

Пушкин признавал себя учеником Жуковского. Но, учась у него, он перерастал своего предшественника и преодолевал его влияние, в общем чуждое основным устремлениям пушкинского творчества. Сравнение сказок Пушкина с одновременно написанными сказками Жуковского показывает, например, насколько внешне воспринимал задачи народности искусства Жуковский и насколько глубоко проникнут был ею Пушкин.

Сам Жуковский, умевший понимать и ценить прекрасное, рано осознал, что ему предстоит уступить дорогу гению Пушкина. В день, когда Пушкин закончил свою первую поэму — «Руслан и Людмила», Жуковский подарил ему свой портрет с многозначительной надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя».

К. Пигарев

Людмила

«Где ты, милый? Что с тобою?
С чужеземною красою,
Знать, в далекой стороне
Изменил, неверный, мне;
Иль безвременно могила
Светлый взор твой угасила».
Так Людмила, приуныв,
К персям *¹ очи приклонив,
На распутии вздыхала.
«Возвратится ль он, — мечтала, —
Из далеких, чуждых стран
С грозной ратнью славян?»

Пыль туманит отдаленье;
Светит ратных ополченье;
Топот, ржание коней;
Трубный треск и стук мечей;
Прахом панцири покрыты;
Шлемы лаврами обвиты;
Близко, близко ратный строй;
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны...
«Возвратились незабвенны!..»
А Людмила?.. Ждет-пождет...
«Там дружину он ведет;

Сладкий час — соединенье!..»
Вот проходит ополченье;
Миновался ратных строй...
Где ж, Людмила, твой герой?
Где твоя, Людмила, радость?
Ах! прости, надежда-сладость!
Всё погубило: друга нет.
Тихо в терем свой идет,
Томну голову склонила:
«Расступись, моя могила;
Гроб, откройся; полно жить;
Дважды сердцу не любить».

«Что с тобой, моя Людмила? —
Мать со страхом возопила. —
О, покой тебя творец!» —
«Милый друг, всему конец;

Что прошло — невозвратимо;
Небо к нам неумолимо;
Царь небесный нас забыл...
Мне ль он счастья не сулил?
Где ж обетов исполненье?
Где святое провиденье?
Нет, немилостив творец;
Всё прости; всему конец».

«О Людмила, грех роптанье;
Скорбь — создателя посланье;
Зла создатель не творит;
Мертвых стон не воскресит». —
«Ах! родная, миновалось!
Сердце верить отказалось!
Я ль, с надеждой и мольбой,
Пред иконою святой
Не точила слез ручьями?
Нет, бесплодными мольбами
Не призвать минувших дней;
Не цвести душе моей.

Рано жизнью насладились,
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежних лет краса.
Что взирать на небеса?
Что молить неумолимых?
Возвращу ль невозвратимых?» —
«Царь небес, то скорби глас!
Дочь, вспомни смертный час;
Кратко жизни сей страданье;
Рай — смиренным воздаянье,
Ад — бунтующим сердцам;
Будь послушна небесам».

«Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
С милым вместе — всюду рай;
С милым розно — райский край
Безотрадная обитель.
Нет, забыл меня спаситель!»
Так Людмила жизнь кляла,
Так творца на суд звала...

¹ Объяснение слов, отмеченных звездочкой, см. в «Примечаниях», с. 39.

Вот уж солнце за горами;
Вот усыпала звездами
Ночь спокойный свод небес;
Мрачен дол, и мрачен лес.

Вот и месяц величавый
Встал над тихою дубравой:
То из облака блеснет,
То за облако зайдет;
С гор простерты длинны тени;
И лесов дремучих сени,
И зеркало зыбких вод,
И небес далекий свод
В светлый сумрак облеченны...
Спят пригорки отдаленны,
Бор заснул, долина спит...
Чу!.. полночный час звучит.

Потряслись дубов вершины;
Вот повеял от долины
Перелетный ветерок...
Скачет по полю ездок:
Борзый конь и ржет и пышет.
Вдруг... идут... (Людмила слышит)
На чугунное крыльцо...
Тихо брякнуло кольцо...
Тихим шепотом сказали...
(Все в ней жилки задрожали.)
То знакомый голос был,
То ей милый говорит:

«Спит иль нет моя Людмила?
Помнит друга иль забыла?
Весела иль слезы льет?
Встань, жених тебя зовет». —
«Ты ль? откуда в час полночи?
Ах! едва прискорбны очи
Не потухнули от слез.
Знать, тронулся царь небес
Бедной девицы тоскою.
Точно ль милый предо мною?
Где же был? Какой судьбой
Ты опять в стране родной?»

«Близ Наревы * дом мой тесный.
Только месяц поднебесный
Над долиною взойдет,
Лишь полночный час пробьет —

Мы коней своих седлаем,
Темны кельи покидаем.
Поздно я пустился в путь.
Ты моя; моею будь...
Чу! совы пустынной крики.
Слышишь? Пенье, брачны лики *.
Слышишь? Борзый конь заржал.
Едем, едем, час настал».

«Переждем хоть время ночи;
Ветер встал от полуночи;
Хладно в поле, бор шумит;
Месяц тучами закрыт». —
«Ветер буйный перестанет;
Стихнет бор, луна проглянет;
Едем, нам сто верст езды.
Слышишь? Конь грызет бразды,
Бьет копытом с нетерпенья.
Миг нам страшен замедленья;
Краткий, краткий дан мне срок;
Едем, едем, путь далек».

«Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробила.
Слышишь? Колокол гудит». —
«Ветер стихнул; бор молчит;
Месяц в водный ток глядится;
Мигом борзый конь домчится». —
«Где ж, скажи, твой тесный дом?» —
«Там, в Литве, краю чужом:
Хладен, тих, уединенный...
Свежим дерном покровенный;
Саван, крест и шесть досток.
Едем, едем, путь далек».

Мчатся всадник и Людмила.
Робко дева обхватила
Друга нежною рукой,
Прислонясь к нему главой.
Скоком, летом по долинам,
По буграм и по равнинам;
Пышет конь, земля дрожит;
Брызжут искры от копыт;
Пыль катится вслед клубами;
Скачут мимо них рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
С громом зыблются мосты.

«Светит месяц, дол сребрится;
Мертвый с девицею мчится;
Путь их к келье гробовой.
Страшно ль, девица, со мной?» —
«Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом — земли утроба». —
«Чу! в лесу потрясся лист.
Чу! в глуши раздался свист.
Черный ворон встрепенулся;
Вздрыгнул конь и отшатнулся;
Вспыхнул в поле огонек». —
«Близко ль, милый?» — «Путь далек».

Слышат шорох тихих теней;
В час полуночных видений,
В дыме облака, толпой,
Прах оставя гробовой
С поздним месяца восходом,
Легким, светлым хороводом
В цепь воздушную свились;
Вот за ними понеслись;
Вот поют воздушны лики:
Будто в листьях повилики
Вьется легкий ветерок;
Будто плещет ручеек.

«Светит месяц, дол сребрится;
Мертвый с девицею мчится;
Путь их к келье гробовой.
Страшно ль, девица, со мной?» —
«Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом — земли утроба». —
«Конь, мой конь, бежит песок*;
Чую ранний ветерок;
Конь, мой конь, быстрее мчися;
Звезды утренни зажглися,
Месяц в облаке потух.
Конь, мой конь, кричит петух».

«Близко ль, милый?» — «Вот примчались».
Слышат: сосны зашатались;
Слышат: спал с ворот запор;
Борзый конь стрелой на двор.
Что же, что в очах Людмилы?
Камней ряд, кресты, могилы,

И среди них божий храм.
Конь несется по гробам;
Стены звонкий вторят топот;
И в траве чуть слышный шепот,
Как усопших тихий глас...
Вот денница занялась.

Что же чудится Людмиле?..
К свежей конь примчась могиле,
Бух в нее и с седоком.
Вдруг — глухой подземный гром;
Страшно доски затрещали;
Кости в кости застучали;
Пыль взвилася; обруч хлоп;
Тихо, тихо вскрылся гроб...
Что же, что в очах Людмилы?..
Ах, невеста, где твой милый?
Где венчальный твой венец?
Дом твой — гроб; жених — мертвец.

Видит труп оцепенелый:
Прям, недвижим, посинелый,
Длинным саваном обвит.
Страшен милый прежде вид;
Впалы мертвые ланиты;
Мутен взор полуоткрытый;
Руки сложены крестом.
Вдруг привстал... манит перстом...
«Кончен путь: ко мне, Людмила;
Нам постель — темна могила;
Завес — саван гробовой;
Сладко спать в земле сырой».

Что ж Людмила?.. Каменеет,
Меркнут очи, кровь хладеет,
Пала мертвая на прах.
Стон и вопли в облаках;
Визг и скрежет под землю;
Вдруг усопшие толпою
Потянулись из могил;
Тихий, страшный хор завыл:
«Смертных ропот безрассуден;
Царь всевышний правосуден;
Твой услышал стон творец;
Час твой бил, настал конец».

Светлана

А. А. Воейковой

Раз в крещенский вечерок *
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

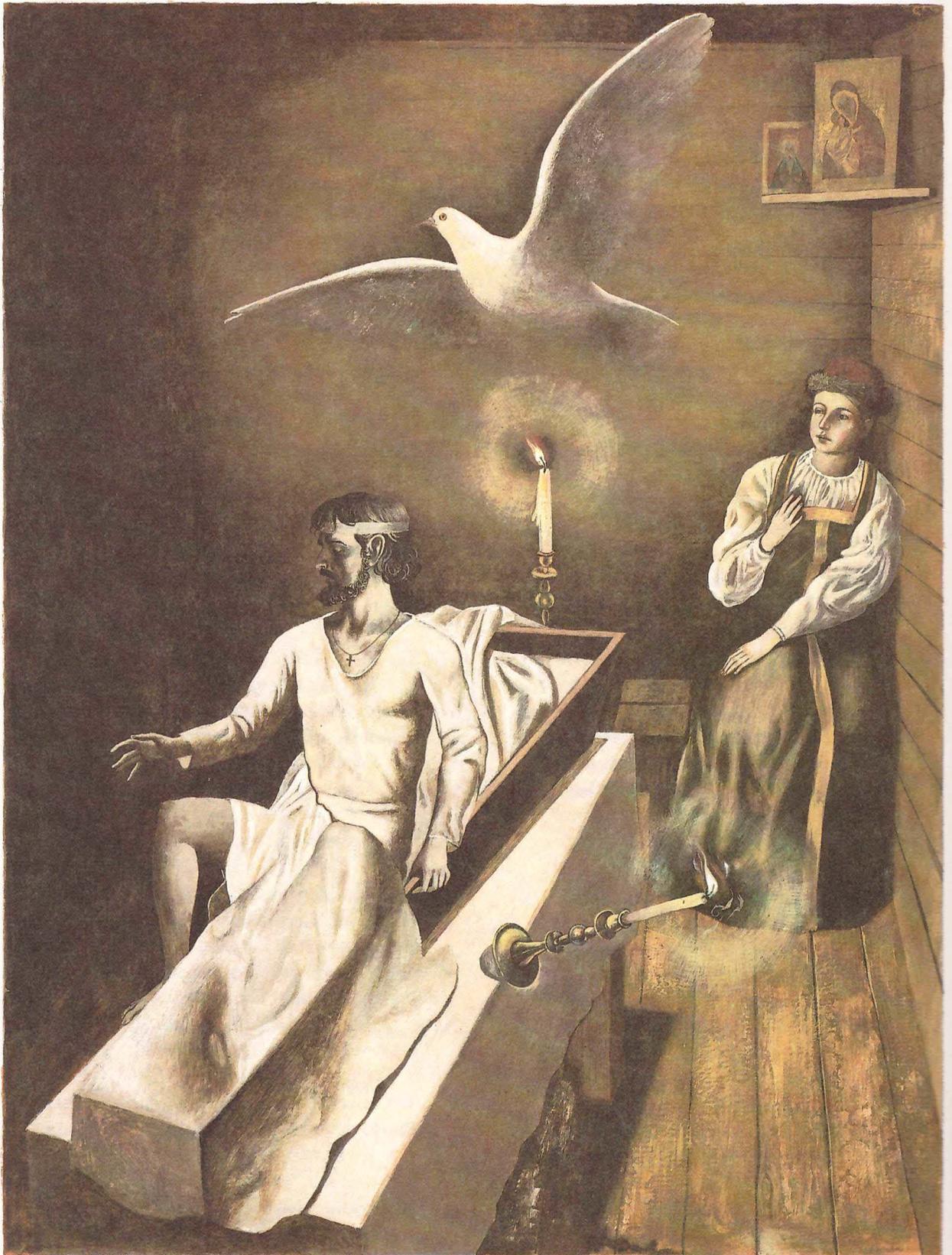
Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: «Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо золотое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налое *».

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою.
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершия локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За ее плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в ее влетает слух
Тихий, легкий шепот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулась... милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждет
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поет;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
Повода шелковы.

Сели... кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут... пусто всё вокруг;
Степь в очах Светланы;
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил *
Тускнет в фимиаме;
На середине черный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит;
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;

Черный вран *, свистя крылом,
Вьется над санями;
Ворон каркает: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Подымая гривы;
Брежит в поле огонек;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони быстрые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчались... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться — следу нет...
Виден ей в избушке свет;
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрипит...
Тихо растворилась.

Что ж?.. В избушке гроб; накрыт
Белою запоной *;
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И, с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Всё утихло... вьюги нет...
Слабо свечка глится,
То прольет дрожащий свет,
То опять затмится...

Всё в глубоком, мертвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Легкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
Светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло всё опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь — на лбу венец,
Затворены очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладели...
Что же девица?.. Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Легкие он крылы;
К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лишенный силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о творец!
Милый друг ее — мертвец!
Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумный бьет крылом петух,
День встречая пенем;

Всё блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идет...
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; всё тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;

Слава — нас учили — дым;
Свет — судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в провиденье.
Благ зиждителя закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
Счастье — пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...*

1808—1812

Будь, создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснется;
В ней душа — как ясный день;
Ах! да пронесется
Мимо — Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга.

Ивиковы журавли

На Посидонов * пир веселый,
Куда стекались чада Гелы *
Зреть бег коней и бой певцов,
Шел Ивик, скромный друг богов.
Ему с крылатою мечтою
Послал дар песней Аполлон *;
И с лирой, с легкою клюкою
Шел, вдохновенный, к Истму он.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринф * и горы,
Слиянны с синевой небес.
Он входит в Посидонов лес...
Всё тихо: лист не колыхнется;
Лишь журавлей по вышине
Шумящая станица вьется
В страны полуденны к весне.

«О спутники, ваш рой крылатый,
Досель мой верный провожатый,
Будь добрым знаменем мне.
Сказав: прости! родной стране,
Чужого берега посетитель,
Ищу приюта, как и вы;
Да отвратит Зевес *-хранитель
Беду от странничьей главы».

И с твердой верою в Зевеса
Он в глубину вступает леса;
Идет заглохшею тропой...
И зрит убийц перед собой.
Готов сразиться он с врагами;
Но час судьбы его приспел:
Знакомый с лирными струнами,
Напрячь он лука не умел.

К богам и к людям он взывает...
Лишь эхо стоны повторяет —
В ужасном лесе жизни нет.
«И так погибну в цвете лет,
Истлею здесь без погребенья
И не оплакан от друзей;
И сим врагам не будет мщенья
Ни от богов, ни от людей».

И он боролся уж с кончиной...
Вдруг... шум от стаи журавлиной;
Он слышит (взор уже угас)
Их жалобно-стениящий глас.
«Вы, журавли под небесами,
Я вас в свидетели зову!
Да грянет, привлеченный вами,
Зевесов гром на их главу».

И труп узрели обнаженный;
Рукой убийцы искаженны
Черты прекрасного лица.
Коринфский друг узнал певца.
«И ты ль недвижим предо мною?
И на главу твою, певец,
Я мнил торжественной рукою
Сосновый положить венец».

И внемлют гости Посидона,
Что пал наперсник Аполлона...
Вся Греция поражена;
Для всех сердец печаль одна.
И с диким ревом исступленья
Пританов * окружил народ
И вопит: «Старцы, мщенья, мщенья!
Злодеям казнь, их сгибни род!»

Но где их след? Кому приметно
Лицо врага в толпе несметной
Притекших в Посидонов храм?
Они ругаются богам.
И кто ж — разбойник ли презренный,
Иль тайный враг удар нанес?
Лишь Гелиос * то зрел священный,
Всё озаряющий с небес.

С подъятой, может быть, главою,
Между шумящею толпою,
Злодей сокрыт в сей самый час
И хладно внемлет скорби глас;
Иль в капище*, склонив колени,
Жжет ладан гнусною рукою;
Или теснится на ступени
Амфитеатра за толпой,

Где, устремив на сцену взоры
(Чуть могут их сдержать подпоры),
Пришед из ближних, дальних стран,
Шумя, как смутный океан,
Над рядом ряд, сидят народы;
И движутся, как в бурю лес,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небес.

И кто сочтет разноплеменных,
Сим торжеством соединенных?
Пришли отсюда: от Афин,
От древней Спарты, от Микин *,
С пределов Азии далекой,
С Эгейских вод, с Фракийских гор...
И сели в тишине глубокой,
И тихо выступает хор.

По древнему обряду, важно,
Походкой мерной и протяжной,
Священным страхом окружен,
Обходит вокруг театра он.
Не шествуют так персти * чада;
Не здесь их колыбель была.
Их стана дивная громада
Предел земного перешла.

Идут с поникшими главами
И движут тощими руками
Свечи, от коих темный свет;
И в их ланитах крови нет;
Их мертвы лица, очи впалы;
И, свитые меж их влосов,
Ехидны движут с свистом жалы,
Являя страшный ряд зубов.

И стали вокруг, сверкая взором;
И гимн запели диким хором,
В сердца вонзающий боязнь;
И в нем преступник слышит: *казнь!*
Гроза души, ума смутитель,
Эринний * страшный хор гремит;
И, цепenea, внемлет зритель;
И лира, онемев, молчит:

«Блажен, кто незнаком с виною,
Кто чист младенчески душою!

Мы не дерзнем ему вослед;
Ему чужда дорога бед...
Но вам, убийцы, горе, горе!
Как тень, за вами всюду мы,
С грозой мщения во взоре,
Ужасные созданья тьмы.

Не мните скрыться — мы с крылами;
Вы в лес, вы в бездну — мы за вами;
И, спутав вас в своих сетях,
Растрезанных бросаем в прах.
Вам покаянье не защита;
Ваш стон, ваш плач — веселье нам;
Терзать вас будем до Коцита *,
Но не покинем вас и там».

И песнь ужасных замолчала;
И над внимавшими лежала,
Богинь присутствием полна,
Как над могилой, тишина.
И тихой, мерною стопою
Они обратно потекли,
Склонив главы, рука с рукою,
И скрылись медленно вдали.

И зритель — зыблемый сомненьем
Меж истиной и заблужденье —
Со страхом мнит о Силе той,
Которая, во мгле густой
Скрываясь, неизбежима,
Вьет нити роковых сетей,
Во глубине лишь сердца зрима,
Но скрыта от дневных лучей.

И всё, и всё еще в молчанье...
Вдруг на ступенях восклицанье:
«Парфений, слышишь?.. Крик вдали —
То Ивиковы журавли!..»
И небо вдруг покрылось тьмою;
И воздух весь от крыл шумит;
И видят... черной полосой
Станица журавлей летит.

«Что? Ивик!..» Всё поколебалось —
И имя Ивика помчалось
Из уст в уста... шумит народ,
Как бурная пучина вод.

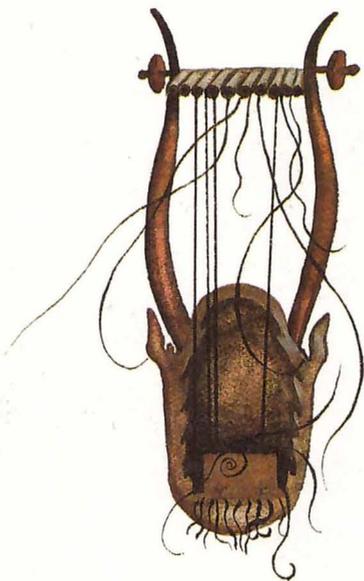
«Наш добрый Ивик! наш сраженный
Врагом незнаемым поэт!..
Что, что в сем слове сокровенно?
И что сих журавлей полет?»

И всем сердцам в одно мгновенье,
Как будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: «Убийца тут;
То Эвменид * ужасных суд;
Отмщенье за певца готово;
Себе преступник изменил.

1813

К суду и тот, кто молвил слово,
И тот, кем он внимаем был!»

И, бледен, трепетен, смятенный,
Незапной речью обличенный,
Исторгнут из толпы злодей;
Перед седалище судей
Он привлечен с своим клеветом;
Смущенный вид, склоненный взор
И тщетный плач был их ответом;
И смерть была им приговор.

Рыцарь Тогенбург

«Сладко мне твоей сестрою,
Милый рыцарь, быть;
Но любовьию иною
Не могу любить:
При разлуке, при свиданье
Сердце в тишине —
И любви твоей страданье
Непонятно мне».

Он глядит с немой печалью —
Участь решена;
Руку сжал ей; крепкой сталью
Грудь обложена;
Звонкий рог созвал дружину;
Все уж на конях;
И помчались в Палестину,
Крест на раменах*.

Уж в толпе врагов сверкают
Грозно шлемы их;
Уж отвагой изумляют
Чуждых и своих.
Тогенбург лишь выйдет к бою —
Сарацин* бежит...
Но душа в нем всё тоскою
Прежнею болит.

Год прошел без утоленья...
Нет уж сил страдать;
Не найти ему забвенья —
И покинул рать.
Зрит корабль — шумят ветрилы*,
Бьет в корму волна —
Сел и поплыл в край тот милый,
Где цветет она.

Но стучится к ней напрасно
В двери пилигрим;
Ах, они с молвой ужасной
Отперлись пред ним:
«Узы вечного обета
Приняла она;
И, погибшая для света,
Богу отдана».

Январь 1818

Пышны праотцев палаты
Бросить он спешит;
Навсегда покинул латы;
Конь навек забыт;
Власяной покрыт одеждой
Инок в цвете лет,
Не украшенный надеждой
Он оставил свет.

И в убогой келье скрылся
Близ долины той,
Где меж темных лип светился
Монастырь святой:
Там — сияло ль утро ясно,
Вечер ли темнел —
В ожиданье, с мукой страстной,
Он один сидел.

И душе его унылой
Счастье там одно:
Дождаться, чтоб у милой
Стукнуло окно,
Чтоб прекрасная явилась,
Чтоб от вышины
В тихий дол лицом склонилась,
Ангел тишины.

И, дождавшись, на ложе
Простирался он;
И надежда: *завтра то же!*
Услаждала сон.
Время годы уводило...
Для него ж одно:
Ждать, как ждал он, чтоб у милой
Стукнуло окно;

Чтоб прекрасная явилась;
Чтоб от вышины
В тихий дол лицом склонилась,
Ангел тишины.
Раз — туманно утро было —
Мертв он там сидел,
Бледен ликом, и уныло
На окно глядел.

Лесной царь

Кто скачет, кто мчится под холодной мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.

— Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?
— Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул;
Он в темной короне, с густой бородой.
— О нет, то белеет туман над водой.

«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Веселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

— Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит.
— О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листья.

< Март > 1818

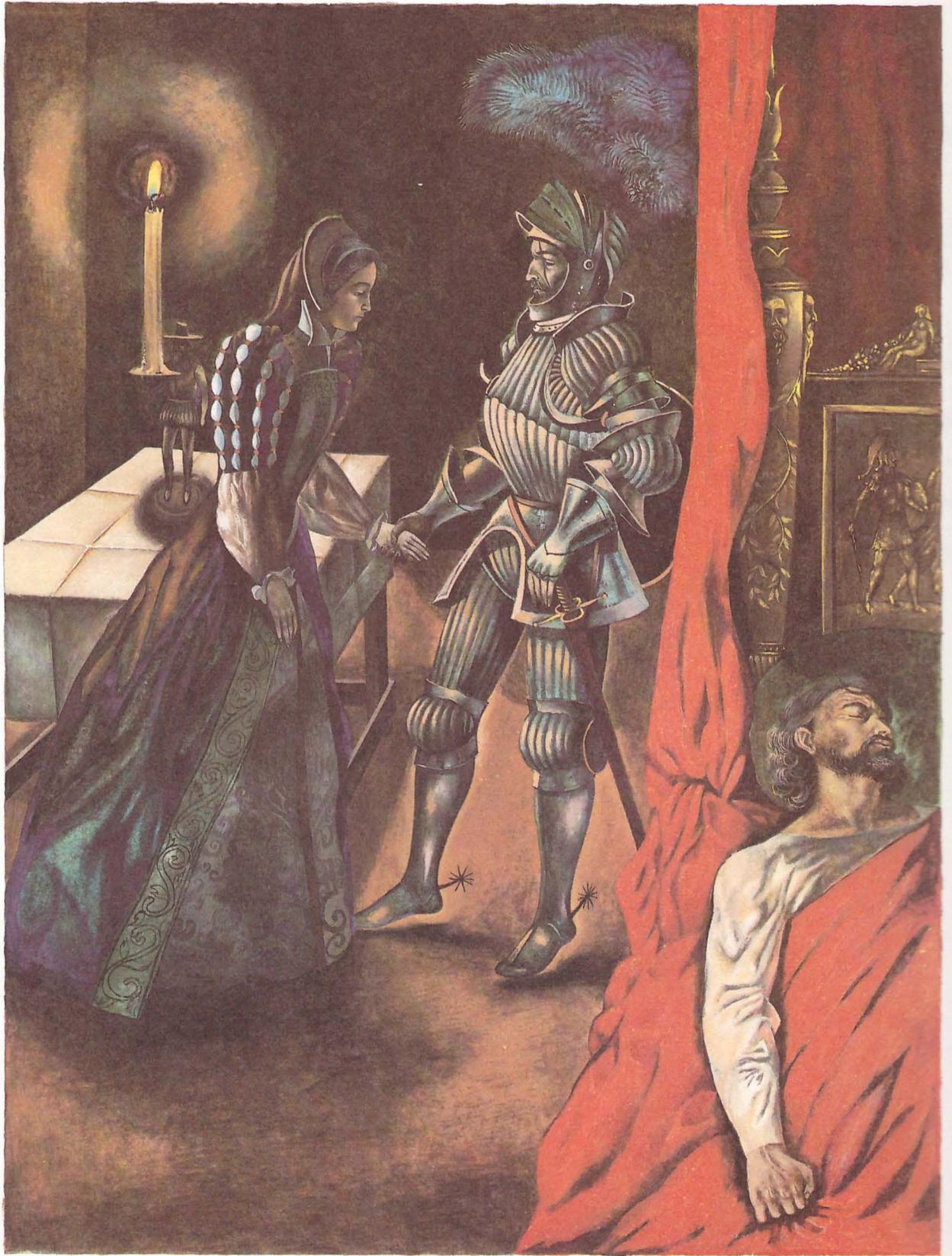
«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».

— Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей.
— О нет, всё спокойно в ночной глубине:
То вѣтлы седые стоят в стороне.

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
— Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать.

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

Замок Смальгольм, или Иванов вечер

До рассвета поднявшись, коня оседлал
Знаменитый Смальгольмский барон;
И без отдыха гнал, меж утесов и скал,
Он коня, торопясь в Бротерстон*.

Не с могучим Боклю совокупно спешил
На военное дело барон;
Не в кровавом бою переведаться мнил
За Шотландию с Англией он;

Но в железной броне он сидит на коне;
Наточил он свой меч боевой;
И покрыт он щитом; и топор за седлом
Укреплён двадцатифунтовой.

Через три дни домой возвратился барон,
Отуманен и бледен лицом;
Через силу и конь, опенен, запылен,
Под тяжелым ступал седоком.

Анкрамморская битвы* барон не видал,
Где потоками кровь их лилась,
Где на Эверса грозно Боклю напирал,
Где за родину бился Дуглас;

Но железный шелом был иссечен на нем,
Был изрублен и панцирь и щит,
Был недавно кровью топор за седлом,
Но не английской кровью покрыт.

Соскочив у часовни с коня за стеной,
Притаившись в кустах, он стоял;
И три раза он свистнул — и паж молодой
На условленный свист прибежал.

«Подойди, мой малютка, мой паж молодой,
И присядь на колена мои;
Ты младенец, но ты откровенен душой,
И слова непритворны твои.

Я в отлучке был три дни, мой паж молодой;
Мне теперь ты всю правду скажи:
Что заметил? Что было с твоей госпожой?
И кто был у твоей госпожи?»

«Госпожа по ночам к отдаленным скалам,
Где маяк, приходила тайком
(Ведь огни по горам зажжены, чтоб врагам
Не прокрасться во мраке ночном).

И на первую ночь непогода была,
И без умолку филин кричал;
И она в непогоду ночную пошла
На вершину пустынную скал.

Тихомолком подкрался я к ней в темноте;
И сидела одна — я узрел;
Не стоял часовой на пустой высоте;
Одиноко маяк пламенел.

На другую же ночь — я за ней по следам
На вершину опять побежал, —
О творец, у огня одинокого там
Мне неведомый рыцарь стоял.

Подпершись мечом, он стоял пред огнем,
И беседовал долго он с ней;
Но под шумным дождем, но при ветре ночном
Я расслушать не мог их речей.

И последняя ночь безненастна была,
И порывистый ветер молчал;
И к маяку она на свиданье пошла;
У маяка уж рыцарь стоял.

И сказала (я слышал): «В полуночный час,
Перед светлым Ивановым днем,
Приходи ты; мой муж не опасен для нас;
Он теперь на свиданье ином;

Он с могучим Боклю ополчился теперь;
Он в сраженье забыл про меня —
И тайком отопру я для милого дверь
Накануне Иванова дня».

«Я не властен прийти, я не должен прийти,
Я не смею прийти (был ответ);
Пред Ивановым днем одиноким путем
Я пойду... мне товарища нет».

«О, сомнение прочь! безмятежная ночь
Пред великим Ивановым днем
И тиха и темна, и свиданьям она
Благосклонна в молчанье своем.

Я собак привяжу, часовых уложу,
Я крыльцо пересыплю травой,
И в приюте моем, пред Ивановым днем,
Безопасен ты будешь со мной».

«Пусть собака молчит, часовой не трубит
И трава не слышна под ногой,—
Но священник есть там; он не спит по ночам;
Он приход мой узнает ночной».

«Он уйдет к той поре: в монастырь на горе
Панихиду он позван служить:
Кто-то был умерщвлен; по душе его он
Будет три дни поминки творить».

Он нахмурился глядел, он как мертвый бледнел,
Он ужасен стоял при огне.

«Пусть о том, кто убит, он поминки творит:
То, быть может, поминки по мне.

Но полуночный час благосклонен для нас:
Я приду под защитою мглы».
Он сказал... и она... я смотрю... уж одна
У маяка пустынной скалы».

И Смальгольмский барон, поражен, раздражен,
И кипел, и горел, и сверкал.
«Но скажи наконец, кто ночной сей пришлец?
Он, клянусь небесами, пропал!»

«Показалось мне при блестящем огне:
Был шелом с соколиным пером,
И палаш боевой на цепи золотой,
Три звезды на щите голубом».

«Нет, мой паж молодой, ты обманут мечтой;
Сей полуночный, мрачный пришлец
Был не властен прийти: он убит на пути;
Он в могилу зарыт, он мертвец».

«Нет! не чудилось мне; я стоял при огне
И увидел, услышал я сам,

Как его обняла, как его назвала:
То был рыцарь Ричард Кольдингам».

И Смальгольмский барон, изумлен, поражен,
И хладел, и бледнел, и дрожал.
«Нет! в могиле покой: он лежит под землей,
Ты неправду мне, паж мой, сказал.

Где бежит и шумит меж утесами Твид*,
Где подымется мрачный Эльдон*,
Уж три ночи, как там твой Ричард Кольдингам
Потаенным врагом умерщвлен.

Нет! сверканье огня ослепило твой взгляд;
Оглушен был ты бурей ночной;
Уж три ночи, три дня, как поминки творят
Чернецы за его упокой».

Он идет в ворота, он уже на крыльце,
Он взошел по крутым ступеням
На площадку и видит: с печалью в лице
Одиноко-унылая там

Молодая жена — и тиха, и бледна,
И в мечтании грустном глядит
На поля, небеса, на Мертонски леса,
На прозрачно бегущую Твид.

«Я с тобою опять, молодая жена». —
«В добрый час, благородный барон.
Что расскажешь ты мне? Решена ли война?
Поразил ли Боклю иль сражен?»

«Англичанин разбит; англичанин бежит
С Анкрамморских кровавых полей;
И Боклю наблюдать мне маяк мой велит
И беречься недобрых гостей».

При ответе таком изменилась лицом,
И ни слова... ни слова и он;
И пошла в свой покой с наклоненной головой,
И за нею суровый барон.

Ночь покойна была, но заснуть не дала.
Он вздыхал, он с собой говорил:
«Не пробудится он; не подымется он;
Мертвецы не встают из могил».

Уж заря занялась; был таинственный час
Меж рассветом и утренней тьмой;
И глубоким он сном пред Ивановым днем
Вдруг заснул близ жены молодой.

Не спалося лишь ей, не смыкала очей...
И бродящим, открытым очам,
При лампадном огне, в шишаке и броне
Вдруг явился Ричард Кольдингам.

«Воротись, удались», — она говорит.
«Я к свиданью тобой приглашен;
Мне известно, кто здесь, неожиданный, спит, —
Не страшись, не услышит нас он.

Я во мраке ночном потаенным врагом
На дороге изменой убит;
Уж три ночи, три дня, как монахи меня
Поминают — и труп мой зарыт.

Он с тобой, он с тобой, сей убийца ночной!
И ужасный теперь ему сон!
И надолго во мгле на пустынной скале,
Где маяк, я бродить осужден;

Где видалися мы под защитою тьмы,
Там скитаюсь теперь мертвецом;
И сюда с высоты не сошел бы... но ты
Заклинала Ивановым днем».

Содрогнулась она и, смятенья полна,
Вопросила: «Но что же с тобой?
Дай один мне ответ — ты спасен ли иль нет?..»
Он печально потряс головой.

«Выкупается кровью пролитая кровь, —
То убийце скажи моему.
Беззаконную небо карает любовь, —
Ты сама будь свидетель тому».

Он тяжелою шуйцей * коснулся стола;
Ей десницею * руку пожал —
И десница как острое пламя была,
И по членам огонь пробежал.

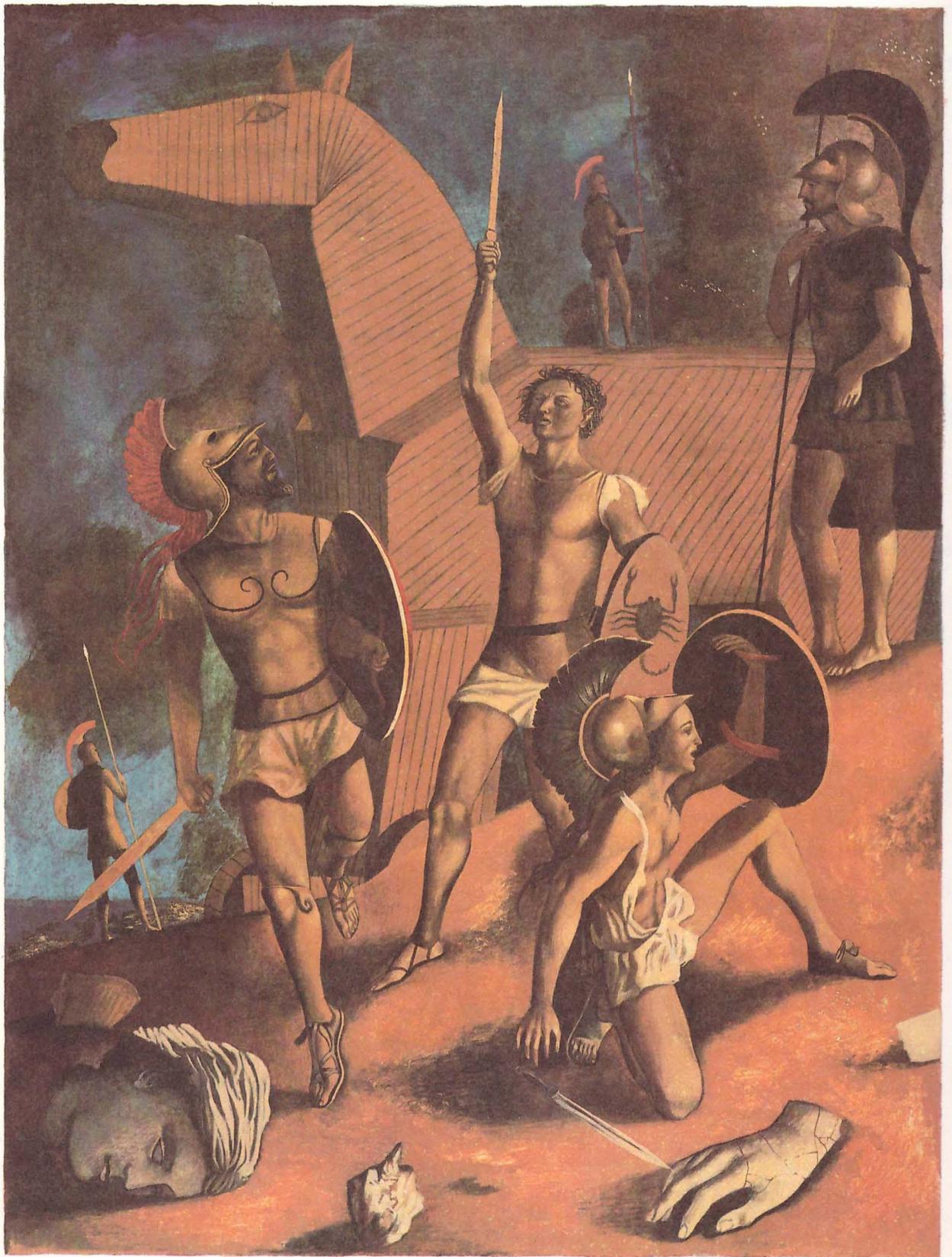
И печать роковая в столе вожжена:
Отразились пальцы на нем;
На руке ж — но таинственно руку она
Закрывала с тех пор полотном.

Есть монахиня в древних Драйбургских стенах *;
И грустна и на свет не глядит;
Есть в Мельрозской обители мрачный монах:
И дичится людей и молчит.

Сей монах молчаливый и мрачный — кто он?
Та монахиня — кто же она?
То убийца, суровый Смальгольмский барон;
То его молодая жена.

<Июль> 1822

Торжество победителей

Пал Приамов град * священный;
Грудой пепла стал Пергам *;
И, победой насыщенный,
К острогрудым кораблям
Собрались эллены — тризну
В честь минувшего свершить
И в желанную отчизну,
К берегам Эллады плыть.

Пойте, пойте гимн согласный:
Корабли обращены
От враждебной стороны
К нашей Греции прекрасной.

Брегом шла толпа густая
Илионских дев и жен:
Из отеческого края
Их вели в далекий плен.
И с победной песнью дикой
Их сливался тихий стон
По тебе, святой, великий,
Невозвратный Илион *.

Вы, родные холмы, нивы,
Нам вас боле не видать;
Будем в рабстве увядать...
О, сколь мертвые счастливы!

И с предвѣдѣнием во взгляде
Жертву сам Калхас * заклал:
Грады зиждущей Палладе *
И губящей (он воззвал),
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валов,
И носящему Горгону *
Богу смертных и богов! *

Суд окончен; спор решился;
Прекратилась борьба;
Всё исполнила Судьба:
Град великий сокрушился.

Царь народов, сын Атрея *,
Обозрел полков число;
Вслед за ним на брег Сигея *
Много, много их пришло...
И незапный мрак печали
Отуманил царский взгляд:
Благороднейшие пали...
Мало с ним пойдет назад.

Счастлив тот, кому сиянье
Бытия сохранено,
Тот, кому вкусить дано
С милой родиной свиданье!

И не всякий насладится
Миром, в свой пришедши дом:
Часто злобный ков * таится
За домашним алтарем;
Часто Марсом * пощажженный
Погибает от друзей
(Рек, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей *).

Счастлив тот, чей дом украшен
Скромной верностью жены!
Жены алчут новизны,
Постоянный мир им страшен.

И стоящий близ Елены
Менелай * тогда сказал:
Плод губительный измены —
Ею сам изменник пал;
И погиб виной Париды *
Отягченный Илион...
Неизбежен суд Кронида *,
Всё блюдет с Олимпа * он.

Злому злой конец бывает:
Гибнет жертвой Эвменид,
Кто безумно, как Парид,
Право гостя оскверняет.

Пусть веселый взор счастливых
(Оилеев сын * сказал)
Зрит в богах богов правдивых;
Суд их часто слеп бывал:
Скольких бодрых жизнь поблѣкла!
Скольких низких рок падит!..
Нет великого Патрокла *;
Жив презрительный Терсит *.

Смертный, царь Зевес Фортуне *
Своей правдой предал нас, —
Уловляй же быстрый час,
Не тревожа сердца втуне.

Лучших бой похитил ярый!
Вечно памятен нам будь
Ты, мой брат *, ты, под удары
Подставлявший твердо грудь,
Ты, который нас, пожаром
Осажденных, защитил...
Но коварнейшему * даром
Щит и меч Ахиллов был.

Мир тебе во тьме Эрева! *
Жизнь твою не враг отнял:
Ты своею силой пал,
Жертва гибельного гнева *.

О Ахилл! о мой родитель!
(Возгласил Неоптолем *)
Быстрый мира посетитель,
Жребий лучший взял ты в нем.
Жить в любви племен делами —
Благо первое земли;
Будем вечны именами
И сокрытые в пыли!

Слава дней твоих нетленна;
В песнях будет цвѣсть она:
Жизнь живущих неверна,
Жизнь отживших неизменна!

Смерть велит умолкнуть злобе
(Диомед * провозгласил):

Слава Гектору * во гробе!
Он краса Пергама был;
Он за край, где жили деда,
Велидушно пролил кровь;
Победившим — честь победы!
Охранявшему — любовь!

Кто, на суд явясь кровавый,
Славно пал за отчий дом,
Тот, почтѣнный и врагом,
Будет жить в преданьях славы.

Нестор *, жизнью убеленный,
Нацедил вина фиал
И Гекубе * сокрушенной
Дружелюбно выпить дал.
Пей страданий утоленье,
Добрый Вакхов дар — вино:
И веселость и забвенье
Проливает в нас оно.

Пей, страдалица! печали
Услаждаются вином:
Боги жалостные в нем
Подкрепленье сердцу дали.

Вспомни мать Ниобею *:
Что извела она!
Сколь ужасная над нею
Казнь была совершена!
Но и с нею, безотрадной,
Добрый Вакх не даром был:
Он струею виноградной
Вмиг тоску в ней усыпил.

Если грудь вином согрета
И в устах вино кипит,
Скорби наши быстро мчит
Их смывающая Лета *.

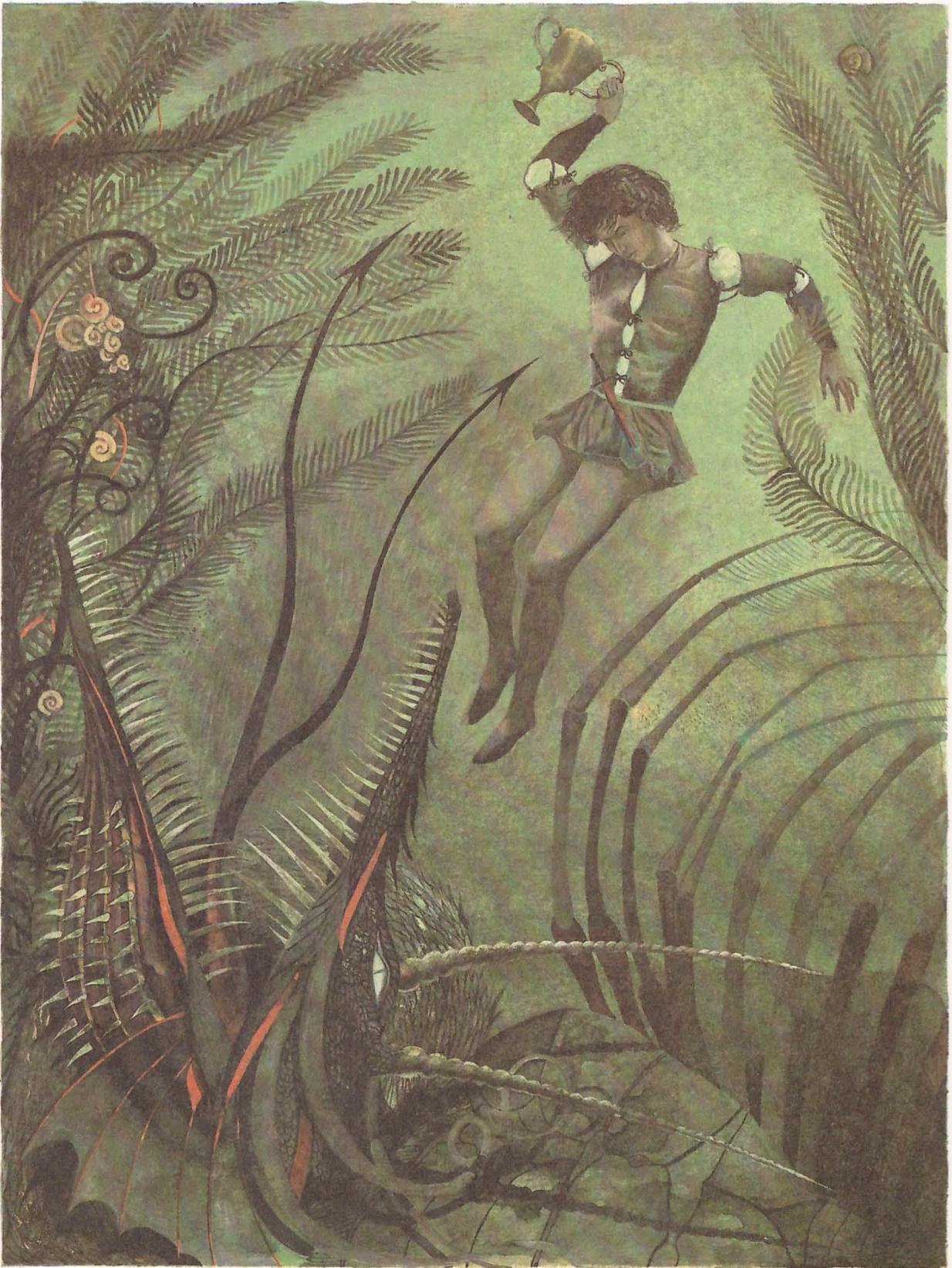
И вперила взор Кассандра *,
Вняв шепнувшему ей богам,
На пустынный брег Скамандра *,
На дымящийся Пергам.

Всё великое земное
Разлетается как дым:
Ныне жребий выпал Трое,
Завтра выпадет другим...

1828

Смертный, Силе, нас гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящий в гробе, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущий.

Кубок

«Кто, рыцарь ли знатный иль латник простой,
В ту бездну прыгнет с вышины?
Бросаю мой кубок туда золотой.
Кто сыщет во тьме глубины
Мой кубок и с ним возвратится безвредно,
Тому он и будет наградой победной».

Так царь возгласил, и с высокой скалы,
Висевшей над бездной морской,
В пучину бездонной, зияющей мглы
Он бросил свой кубок златой.
«Кто, смелый, на подвиг опасный решится?
Кто сыщет мой кубок и с ним возвратится?»

Но рыцарь и латник недвижно стоят;
Молчанье — на вызов ответ;
В молчанье на грозное море глядят;
За кубком отважного нет.
И в третий раз царь возгласил громогласно:
«Отыщется ль смелый на подвиг опасный?»

И все безответны... вдруг паж молодой
Смиренно и дерзко вперед;
Он снял епанчу* и снял пояс он свой;
Их молча на землю кладет...
И дамы и рыцари мыслят, безгласны:
«Ах! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?»

И он подступает к наклону скалы,
И взор устремил в глубину...
Из чрева пучины бежали валы,
Шумя и гремя, в вышину;
И волны спиральсь, и пена кипела:
Как будто гроза, наступаая, ревела.

И воеет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом;
Пучина бунтует, пучина клокочет...
Не море ль из моря извергнуться хочет?

И вдруг, успокоясь, волнение легло;
И грозно из пены седой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощенного чрева;
И глубь застонала от грома и рева...

И он, упредя разъяренный прилив,
Спасителя-бога призвал...
И дрогнули зрители, все возопив,—
Уж юноша в бездне пропал.
И бездна таинственно зев свой закрыла —
Его не спасет никакая уж сила.

Над бездной утихло... в ней глухо шумит...
И каждый, очей отвести
Не смея от бездны, печально твердит:
«Красавец отважный, прости!»
Всё тише и тише на дне ее воеет...
И сердце у всех ожиданием ноет.

«Хоть брось ты туда свой венец золотой,
Сказав: кто венец возвратит,
Тот с ним и престол мой разделит со мной! —
Меня твой престол не прельстит.
Того, что скрывает та бездна немая,
Ничья здесь душа не расскажет живая.

Немало судов, закруженных волной,
Глотала ее глубина:
Все мелкой назад вылетали щепой
С ее неприступного дна...»
Но слышится снова в пучине глубокой
Как будто роптанье грозы недалекой.

И воеет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом...

И брызнул поток с оглушительным ревом,
Извергнутый бездны зияющим зевом.

Вдруг... что-то сквозь пену седой глубины
Мелькнуло живой белизной...

Мелькнула рука и плечо из волны...
И борется, спорит с волной...
И видит — весь берег потрясся от клича —
Он левою правит, а в правой добыча.

И долго дышал он, и тяжело дышал,
И божий приветствовал свет...
И каждый с весельем: «Он жив! — повторял.—
Чудеснее подвига нет!
Из темного гроба, из пропасти влажной
Спас душу живую красавец отважный».

Он на берег вышел; он встречен толпой;
К царевым ногам он упал;
И кубок у ног положил золотой;
И дочери царь приказал:
Дать юноше кубок с струей винограда;
И в сладость была для него та награда.

«Да здравствует царь! Кто живет на земле,
Тот жизнью земной веселись!
Но страшно в подземной таинственной мгле...
И смертный пред богом смиришь:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, им мудро от нас сокровенной».

Стрелой стремглав полетел я туда...
И вдруг мне навстречу поток;
Из трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлек
Меня в глубину с непонятною силой...
И страшно меня там кружило и било.

Но богу молитву тогда я принес,
И он мне спасителем был:
Торчащий из мглы я увидел утес
И крепко его обхватил;
Висел там и кубок на ветви коралла:
В бездонное влага его не умчала.

И смутно всё было внизу подо мной
В пурпуровом сумраке там;

Всё спало для слуха в той бездне глухой;
Но виделось страшно очам,
Как двигались в ней безобразные груды,
Морской глубины несказанные чуды.

Я видел, как в черной пучине кипят,
В громадный свиваяся клуб,
И млат водяной, и уродливый скат,
И ужас морей однозуб;
И смертью грозил мне, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гиена морская.

И был я один с неизбежной судьбой,
От взора людей далеко;
Один, меж чудовищ, с любящей душой,
Во чреве земли, глубоко
Под звуком живым человеческого слова,
Меж страшных жильцов подземелья немого.

И я содрогался... вдруг слышу: ползет
Стоногое грозно из мглы
И хочет схватить, и разинулся рот...
Я в ужасе прочь от скалы!..
То было спасеньем: я схвачен приливом
И выброшен вверх водомета порывом».

Чудесен рассказ показался царю:
«Мой кубок возьми золотой;
Но с ним я и перстень тебе подарю,
В котором алмаз дорогой,
Когда ты на подвиг отважишься снова
И тайны все дна перескажешь морского».

То слыша, царевна с волнением в груди,
Краснея, царю говорит:
«Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершит?
И если уж должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младого».

Но царь, не внимая, свой кубок златой
В пучину швырнул с высоты:
«И будешь здесь рыцарь любимейший мой,
Когда с ним воротиться ты;
И дочь моя, ныне твоя предо мною
Заступница, будет твоею женою».

В нем жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула в очах;
Он видит: краснеет, бледнеет она;
Он видит: в ней жалость и страх...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель он кинулся в волны...

<1825>— <март> 1831

Утихнула бездна... и снова шумит...
И пеною снова полна...
И с трепетом в бездну царевна глядит...
И бьет за волною волна...
Приходит, уходит волна быстротечно —
А юноши нет и не будет уж вечно.

Суд божий над епископом

Были и лето и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлеб на полях не созрел и пропал;
Сделался голод, народ умирал.

Но у епископа милостью неба
Полны амбары огромные хлеба;
Жито сберег прошлогоднее он:
Был осторожен епископ Гаттон.

Рвутся толпой и голодный и нищий
В двери епископа, требуя пищи;
Скуп и жесток был епископ Гаттон:
Общей бедою не тронулся он.

Слушать их вопли ему надоело;
Вот он решился на страшное дело:
Бедных из ближних и дальних сторон,
Слышно, скликает епископ Гаттон.

«Дожили мы до нежданного чуда:
Вынул епископ добро из-под спуда;
Бедных к себе на пирушку зовет»,—
Так говорил изумленный народ.

К сроку собралися званые гости,
Бледные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворён:
В нем угостит их епископ Гаттон.

Вот уж столпились под кровлей сарая
Все пришлецы из окружного края...
Как же их принял епископ Гаттон?
Был им сарай и с гостями сожжен.

Глядя епископ на пепел пожарный,
Думает: «Будут мне все благодарны;
Разом избавил я шуткой моей
Край наш голодный от жадных мышей».

В замок епископ к себе возвратился,
Ужинать сел, пировал, веселился,
Спал, как невинный, и снов не видал...
Правда! но боле с тех пор он не спал.

Утром он входит в покой, где висели
Предков портреты, и видит, что съели
Мыши его живописный портрет,
Так, что холстины и признака нет.

Он обомлел; он от страха чуть дышит...
Вдруг он чудесную ведомость слышит:
«Наша округа мышами полна,
В житницах съеден весь хлеб до зерна».

Вот и другое в ушах загремело:
«Бог на тебя за вчерашнее дело!
Крепкий твой замок, епископ Гаттон,
Мыши со всех осаждают сторон».

Ход был до Рейна от замка подземный;
В страхе епископ дорогою темной
К берегу выйти из замка спешит,
«В Рейнской башне спасусь»,— говорит.

Башня из реинских вод подымалась;
Издали острым утесом казалась,
Грозно из пены торчащим, она;
Стены кругом ограждала волна.

В легкую лодку епископ садится;
К башне причалил, дверь запер и мчится
Вверх по гранитным крутым ступеням;
В страхе один затворился он там.

Стены из стали казались слиты,
Были решетками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный свод,
Дверью железною запертый вход.

Узник не знает, куда приютиться;
На пол, зажмурив глаза, он ложится...
Вдруг он испуган стенаньем глухим:
Вспыхнули ярко два глаза над ним.

Смотрит он... кошка сидит и мяучит;
Голос тот грешника давит и мучит;
Мечется кошка; невесело ей:
Чует она приближенье мышей.

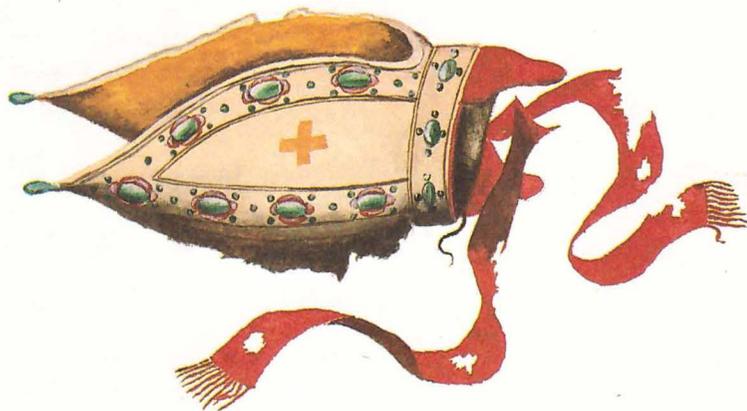
Пал на колени епископ и криком
Бога зовет в иступлении диком.
Воет преступник... а мыши плывут...
Ближе и ближе... доплыли... ползут.

Вот уж ему в расстоянии близком
Слышно, как лезут с роптаньем и писком;
Слышно, как стену их лапки скребут;
Слышно, как камень их зубы грызут.

Март 1831

Вдруг ворвались неизбежные звери;
Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, с боков, с высоты...
Что тут, епископ, почувствовал ты?

Зубы об камни они наострили,
Грешнику в кости их жадно впустили,
Весь по суставам раздернут был он...
Так был наказан епископ Гаттон.

Примечания

ЛЮДМИЛА. Стр. 7

Вольный перевод баллады Бюргера «Ленора». Жуковский русифицировал сюжет, заменив имя героини славянским именем «Людмила» и перенес действие в историческую обстановку Руси XVI—XVII вв.

Пёрси (слав.) — грудь.

Нарёва — Нарва.

Лики (слав.) — хоры.

Бежит песок... — По разъяснению Жуковского, подразумеваются песочные часы.

СВЕТЛАНА. Стр. 11

Крещенский вечерок — канун церковного праздника крещения. В этот день кончались святки. В народной среде к этому времени приурочивались игрища и гадания. В первой строфе баллады перечислены разные виды святочных гаданий.

Налой (аналой — церк.-слав.) — высокий столик с покатым верхом для икон и богослужебных книг.

Паникадило (церк.-слав.) — люстра со свечами.

Вран (слав.) — ворон.

Запона — покров.

Ты, моя Светлана... — обращение к А. А. Протасовой, в замужестве Воейковой, которой посвящена баллада.

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ. Стр. 17

Перевод баллады Шиллера.

Ивик — полупоэтический странствующий певец, живший в Греции в VI в. до н. э. Сюжетом для баллады послужило предание о смерти Ивика, убитого разбойниками, и последующем неожиданном саморазоблачении убийц.

Посидон (Посейдон, греч. миф.) — бог моря. Под «Посидоновым пиром» подразумеваются игры в честь Посидона, справлявшиеся на Коринфском перешейке (Истме).

Гёла — Эллада, Греция.

Аполлон (греч. миф.) — бог света, покровитель искусств.

Акрокоринф — крепость в городе Коринфе.

Зевес (Зевс, греч. миф.) — главный бог греков.

Пританы — судьи.

Гелиос (греч. миф.) — бог солнца.

Капище — языческий храм.

Микины (Микены, Микена) — город в Греции.

Персть — земля, пыль, прах.

Эриннии (греч. миф.) — богини-мстительницы.

Коцит (греч. миф.) — река в подземном царстве теней.

Эвмениды (греч. миф.) — то же, что Эриннии.

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГ. Стр. 21

Перевод баллады Шиллера.

Рамена (слав.) — плечи.

Сарацин — в средние века так называли в Европе мусульман.

Ветрилы — паруса.

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ. Стр. 23

Перевод баллады Гёте.

ЗАМОК СМАЛЬГОЛЬМ, ИЛИ ИВАНОВ ВЕЧЕР. Стр. 25

Перевод баллады Вальтера Скотта «Канун Иванова дня». Замок *Смальгольм* находился на юге Шотландии. Принадлежал одному из родственников Вальтера Скотта. *Брётерстон* — лощина в горах, находящаяся в нескольких милях от замка Смальгольм.

Анкрамбурская битва — сражение между шотландскими войсками под предводительством Вальтера Скотта-Боклю и Арчибальда Дугласа и вторгшимися в Шотландию англичанами при деревне Анкрам-муре.

Твид — река в Шотландии.

Эльдон — холм близ города Мельроз в Шотландии.

Шуйца (слав.) — левая рука.

Десница (слав.) — правая рука.

Драйбургские стены — аббатство в Шотландии.

ТОРЖЕСТВО ПОБЕДИТЕЛЕЙ. Стр. 29

Перевод баллады Шиллера «Праздник победы» на сюжет, почерпнутый из «Илиады» Гомера и «малых» поэм о Троянской войне.

Приамов град — Троя, последним царем которой был Приам.

Пергам — крепость в Трое.

Илион — другое название Трои.

Калхас — верховный жрец Аполлона, прорицатель, участник Троянской войны.

Паллада (греч. миф.) — богиня мудрости и войны.

Горгона (греч. миф.) — крылатое чудовище, повергающее людей в ужас.

Бог смертных и богов — Зевс; на его щите была изображена голова Горгоны.

Сын Атрёя — Агамемнон, царь Микен.

Сигей — мыс у входа в Геллеспонт, ныне Босфор.

Ков — заговор, коварное намерение.

Марс (рим. миф.) — бог войны.

Одиссей — царь Итаки.

Елена — жена царя Спарты *Менелая*.

Парид (Парис) — сын троянского царя Приама. Похищение Парисом Елены, по преданию, вызвало Троянскую войну.

Кронид — Зевс, сын Крона (Кроноса, Хроноса — греч. миф.), бога времени.

Олимп — гора в Греции, считавшаяся священной.

Оилев сын — Аякс, один из участников Троянской войны.

Патрокл — друг Ахиллеса, один из героев Троянской войны, убитый Гектором.

Терсит — воин-данаец, избитый Одиссеем за словесные оскорбления Агамемнона.

Фортуна (рим. миф.) — богиня судьбы.

Ты, мой брат... — Обращение Тевкра Теламонида к памяти брата, Аякса Теламонида.

Коварнейший — Одиссей, получивший после смерти главного героя Троянской войны, вождя ахейцев Ахилла (Ахиллеса), его доспехи.

Эреб (Эрб) — в античной мифологии царство мертвых, погруженное во мрак.

Жертва гибельного гнева. — Аякс Теламонид покончил самоубийством, так как тщетно добивался получить щит и меч Ахиллеса, доставшиеся Одиссею.

Неоптолем — Пирр, сын Ахиллеса, убивший Приама и его сына Полита.

Диомед — царь Аргоса.

Гектор — сын Приама и Гекубы, убитый Ахиллесом.

Нестор — царь Пилоса, известный своей мудростью.

Гекуба — жена троянского царя Приама, потерявшая в Троянской войне мужа и сына.

Ниобья (Ниоба) — жена фиванского царя Амфиона. За насмешки над Латоной, матерью Аполлона и Артемиды, последние истребили семерых сыновей и семерых дочерей Ниобы.

Лёта (миф.) — река в загробном мире.

Кассандра — дочь Приама и Гекубы, прорицательница.

Скамандр — река около Трои.

КУБОК. Стр. 33

Перевод баллады Шиллера «Водолаз».

Епанча — широкий длинный плащ.

СУД БОЖИЙ НАД ЕПИСКОПОМ. Стр. 37

Перевод баллады английского поэта Р. Саути на тему средневекового предания.

Содержание

К. ПИГАРЕВ В. А. ЖУКОВСКИЙ	3
ЛЮДМИЛА	7
СВЕТЛАНА	11
ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ	17
РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГ	21
ЛЕСНОЙ ЦАРЬ	23
ЗАМОК СМАЛЬГОЛЬМ, ИЛИ ИВАНОВ ВЕЧЕР	25
ТОРЖЕСТВО ПОБЕДИТЕЛЕЙ	29
КУБОК	33
СУД БОЖИЙ НАД ЕПИСКОПОМ	37
ПРИМЕЧАНИЯ	39

СОСТАВЛЕНИЕ, ПРЕДИСЛОВИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ

К. В. ПИГАРЕВА

Жуковский В. А.

Ж86 Баллады/Сост., предисл. и примеч. К. В. Пигарева; Рис. А. Кошкина.— М.: Дет. лит., 1978.— 40 с., ил. (Школ. б-ка).

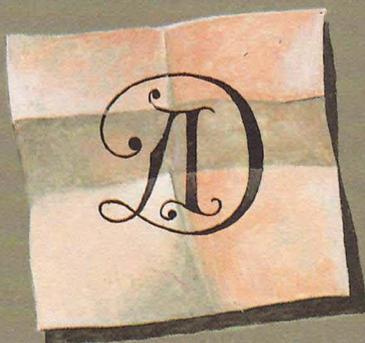
35 коп.

В сборник вошли избранные баллады В. А. Жуковского (1783—1852).

Ж $\frac{70803-508}{M101(03)78}$ 144—78

P1

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Василий Андреевич Жуковский

БАЛЛАДЫ

ИБ № 2661

Ответственный редактор *Н. В. Белякова*. Художественный редактор *И. Г. Найденова*. Технический редактор *Л. В. Гришина*. Корректоры *Г. В. Русакова* и *Е. И. Щербакова*. Сдано в набор 26/IV 1978 г. Подписано к печати 15/X 1978 г. Формат 60×90 1/8. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,0. Уч.-изд. л. 4,41. Тираж 500 000 экз. Заказ № 2533. Цена 35 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суцеский вал, 49.